

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: БИТВА ЗА ПРИНЦИПЫ?

В середине 2012 г., когда вокруг Сирии начался очередной раунд дипломатической активности, к автору этих строк пришел французский журналист, чтобы обсудить российское отношение к этому острому конфликту на Ближнем Востоке. Разговор начался с места в карьер. «Почему Россия поддерживает преступный диктаторский режим, который уничтожает собственный народ, стремящийся к демократии?» – поинтересовался у меня визитер. «А почему Запад поддерживает террористов и исламистов, которые рвутся брать власть в одной арабской стране за другой, опираясь на материальную и идейную поддержку самых реакционных из правительств региона?» – спросил я в ответ. Обменявшись любезностями, мы приступили к разговору по существу. Картины событий на Ближнем Востоке на Западе и в России различаются диаметрально. И дело не в пропаганде или кардинальном различии интересов, хотя и то и другое имеет место. Москва и западные столицы совершенно по-разному оценивают то, что вообще происходит в мире. Россия, пережившая в совсем недавнем прошлом катастрофу распада, одновременного экономического и геополитического обрушения, крайне чутко воспринимает деструктивные тенденции, связанные с ними угрозы и на собственном опыте знает, как велика разница между намерениями и их реализацией. Запад же, несмотря на многочисленные потрясения последнего десятилетия, еще продолжает жить в шлейфе триумфа конца XX в., анализируя происходящее сквозь идеологическую призму. Ближний Восток сложен и многообразен, там можно обнаружить приметы всех возможных процессов. В недалеком будущем станет понятно, кто оказался более прав – Москва с ее приземленно-пессимистическим взглядом на потрясения или Париж и Вашингтон, которые предпочитают видеть в переменах проявление «правильной стороны истории».

Федор ЛУКЬЯНОВ, председатель Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», член научного совета Франко-русского аналитического центра Обсерво.

МЕРКАНТИЛЬНЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ?

Позицию России по сирийскому вопросу, а именно в нем сконцентрировалась квинтэссенция всего того, что происходит на Ближнем Востоке, а может быть и во всем исламском мире, не понимает за рубежом, кажется, никто. Во всяком случае, никто из тех, кто имеет непосредственное отношение к попыткам что-то сделать с этим кровавым конфликтом.

Вначале упорство Москвы было принято объяснять чисто меркантильными соображениями. Режим Башара Асада, мол, — крупный клиент российской военной промышленности, и ВПК, раздосадованный потерями на иранском (отмена контракта на С-300) и ливийском (свержение Каддафи вследствие отказа России заветировать резолюцию СБ ООН) рынках, встал насмерть, чтобы сохранить последнего партнера. Впрочем, убедительность такой мотивации быстро стала вызывать сомнения. Как указывали недавно эксперты Центра анализа стратегий и технологий, поставки оружия Дамаску в 2011 г. составили всего 5% из общего объема экспорта вооружений. А так называемая «военно-морская база» России в Тартусе, которую называют единственным объектом такого рода за пределами бывшего СССР, имеет лишь символическое значение, поскольку на деле есть не более чем причал для кораблей и мастерская по починке судов. К тому же с 2006 г. Сирия заплатила России только 1 млрд долларов из полагавшихся по контрактам 5,5 млрд. Ну и, наконец, довольно быстро стало понятно, что вне зависимости от конкретного сценария развития событий в Сирии «бизнес как обычно» с режимом Асада больше невозможен.

Тогда политика тем более вызывает недоумение. Комментаторы задавались вопросом, отчего Москва упорно отказывается признавать факты, цепляясь за обреченную фигуру и отсекая сама себе пути к отступлению — режим сменится, а упрямая его поддержка обрекает Россию на заведомо враждебные отношения с любыми будущими властями Сирии. Поэтому в заявлениях российских официальных представителей конца 2012 г. все силились найти признаки того, что Кремль и Смоленская площадь «пробуждаются к реальности», непредназначенное для широкого цитирования высказывание заместителя министра иностранных дел Михаила Богданова о том, что в Сирии может победить оппозиция, было воспринято как сенсация: Россия, мол, под давлением неизбежного меняет свою точку зрения и отказывается от поддержки Асада.

Понятное дело, что в бесконечно повторяемые слова Путина, Лаврова, того же Богданова и всех остальных о том, что Москва в Сирии поддерживает не Асада, а определенные принципы, никто никогда не верил. А зря. Для того чтобы понять, чем на самом деле мотивирована политика России на Ближнем Востоке в разгар «арабской весны», следует прежде всего исходить из того, что основными определяющими для нее факторами не являются (в порядке убывания) ни позиции страны в регионе, ни рынок Сирии, ни судьба Башара Асада и его режима.

На ее политику следует смотреть под другим углом зрения – связанным не столько с самим Ближним Востоком, сколько с общим пониманием Москвой того, как должны быть устроены международные отношения. И это было неоднократно сказано вполне публично и официально министром иностранных дел Сергеем Лавровым.

«Если кто-то вознамерился любой ценой применить силу, то едва ли мы сможем воспрепятствовать. Но пусть это происходит по их собственной инициативе, пусть это будет на их совести. Никакого уполномочивания от Совета Безопасности ООН они не получат», — это заявление Лаврова 18 января 2012 года на пресс-конференции по итогам 2011 г. задавало рамочные параметры российской позиции. Второе принципиально важное и еще более четкое высказывание прозвучало 16 июля 2012 г.: «От того, как решится сирийский кризис, во многом будет зависеть модель реагирования международного сообщества на внутригосударственные конфликты в будущем».

Упорство России напрямую связано и с тем, что происходило в 2011 г. в Ливии. Тогда Москва по личному решению президента Дмитрия Медведева отступила от своей обычной позиции о недопустимости вмешательства в чьи-либо внутренние дела и, по сути, дала согласие на военную акцию против режима Каддафи. Тот «жест доброй воли» сегодня почти официально считается ошибкой – и в практическом, и в концептуальном плане, а жесткая позиция по Сирии призвана дезавуировать его и не позволить «международному сообществу» затвердить ливийскую модель как образец для будущих конфликтов. Ливийская же модель, с точки зрения российских стратегов, заключается в следующем: в междоусобном конфликте внешние силы выбирают «правильную» сторону и своим вмешательством помогают ей прийти к власти.

События на Ближнем Востоке вообще выявили тот факт, что внутри российского руководства существует концептуальная коллизия относительно места в мире, а также способов, которыми его следует завоевывать. И это не стереотипное противостояние «прозападных» и «антизападных» подходов, «западников» и «националистов». Вообще, Запад как точка отсчета в системе координат начинает медленно и мучительно, но все-таки отходить на задний план – бессмысленно руководствоваться такой точкой зрения в мире, где определяющим становится Восток. Зато на передний план выступает другая логика – распределение приоритетов в мировых делах, при том что Россия не Советский Союз и никогда им не будет, а значит, она не может претендовать на то, чтобы в равной степени участвовать во всех международных процессах.

СТРУКТУРНЫЙ РЕАЛИЗМ ПУТИНА

Необычное решение Дмитрия Медведева в начале 2011 г. не препятствовать военной акции против Ливии можно объяснять разными мотивами, но одна из причин была общего плана — понимание приоритетов. За годы его президентства достаточно явно наметилась тенденция воспринимать Россию как региональную державу. Конечно, с учетом региона, в котором Москва намеревается сохранить первенство, глобальное измерение неизбежно — это по сути вся Евразия от «старой Европы» до Тихого океана. И все же — территория, ограниченная географически.

Сделанное в августе 2008 г. резонансное заявление Дмитрия Медведева о том, что Россия намерена любыми средствами защищать «сферу своих привилегированных интересов», было тогда, сразу после пятидневной войны, истолковано как заявка на новую русскую экспансию. Впоследствии стало понятно, что смысл несколько иной — само понятие «сфера интересов» подразумевает некие границы. У Советского Союза, например, конкретной сферы интересов не было, точнее, она охватывала весь глобус, как и у США. Ливия в российскую сферу в понимании Медведева не входила. Контракты на четыре миллиарда — это, конечно, хорошо, но не более чем просто бизнес, рисковать ради этого чем-то серьезным, например, вступать в очередное противостояние с США и Европой, взаимодействие с которыми важно по другим направлениям, — того не стоит.

Путин, как и Медведев, не видит Россию глобальной державой в прежнем понимании, приоритеты — та же «сфера интересов», любимая идея — Евразийский союз, который соединит рынки Европы и Тихоокеанского пространства. Однако в отличие от Медведева Путин не считает, что сосредоточиться нужно исключительно на регионе. Способность влиять на ситуацию в других частях мира нынешний президент рассматривает как инструмент для торга, обмена возможностями, которые есть там, на привилегии в сфере непосредственных интересов. Иными словами: только играя (пусть спорадически) по всему полю, только сохраняя глобальный охват, можно закрепить свое преимущественное право в своем секторе планеты. И с этой точки зрения Ближний Восток — не зона непосредственного интереса, но поле важной региональной игры, наличие своих козырей в которой позволяет чувствовать себя увереннее за другими игровыми столами.

В международных делах Медведев проявил себя — сознательно или неосознанно — как либерал. Внутреннее развитие первично и определяет внешнюю политику (об этом Медведев подробно говорил в своем выступлении перед дипкорпусом в июле 2010 г.), различные процессы и события надо воспринимать по отдельности и принимать решения по каждому, а не рассматривать все во взаимной увязке. Типичный либеральный подход.

Владимир Путин смотрит на мир иначе. По взглядам он — приверженец структурного реализма. Внешняя среда определяет поведение государств, система едина, и все в ней взаимосвязано. Воздействие на одну часть влечет последствия в другой части. Отсюда его постоянная критика интервенционизма Запада. Дело не только в том, что ставится под сомнение «священный», как напоминает Путин, принцип суверенитета. Каждое вмешательство в систему нарушает саморегуляцию и усугубляет всеобщий хаос. А всеобщий хаос, как он убежден, рано или поздно спровоцирует хаосы в конкретных странах, Россия тоже уязвима.

Владимиру Путину в качестве президента выпало время, когда Россия, хотела она того или нет, уже была неотъемлемой частью глобальной мировой системы и не могла отгородиться от процессов, которые в ней происходят. Он пришел под лозунгом стабильности в России тогда, когда в мире стремительно росла неопределенность на фоне распада привычной институциональной структуры. Лихорадочные попытки Запада укрепить мировую систему, созданную по западным лекалам, привели к тому, что

конструкция зашаталась со всех сторон. А поскольку она едина и целостна, как никогда раньше, то последствия чьих-то непродуманных шагов отзываются на всех без исключения. Стабилизация внутри не сочетается с нарастающей дестабилизацией вовне. Иными словами, Путин оказался в противофазе, которая его просто бесит. Он не понимает политики ведущих держав, которые своими действиями как будто бы специально раскачивают международную ситуацию, выбивая из-под нее последние опоры.

Путин не одинок в неприятии такого положения вещей, но получилось, что именно он оказался в авангарде сопротивления. Во-первых, потому что Россия, несмотря на упадок после распада СССР, остается одной из самых активных стран с явными амбициями. Во-вторых, потому что в силу ее комбинированного ядерно-сырьевого потенциала игнорировать мнение России невозможно. Наконец, в силу особенностей характера самого президента – его отличает нетипичная для политиков такого уровня прямота и откровенность. Политкорректность – понятие ему глубоко чуждое. В совокупности все это превращает Путина в олицетворение антизападной фронды, хотя сам он никаких «фронтов» вести за собой не собирается, мировой геополитической революции не хочет и скорее озабочен тем, чтобы отгородиться от внешнего напора.

В 2000-е гг., в первые два президентских срока Владимира Путина, на Западе много рассуждали о том, к какому типу держав относится Россия – приверженцам статус-кво или революционно настроенным ревизионистам. Сейчас очевидно, что Россия является державой статус-кво, но в несколько ином понимании. Москва пытается сохранить принципы, опора на которые позволила бы структурировать международную среду, все более хаотическую, неуправляемую, а потому опасную. И дело не во влиянии, а в самосохранении.

НЕЗАЧЕМ МЕНЯТЬ ПОЗИЦИЮ

В России картина происходящего в Сирии (да и вообще на Ближнем Востоке) совершенно другая, чем на Западе и в арабском мире. Это ожесточенная гражданская война, имеющая религиозную (сунниты – шииты) и геополитическую (монархии Персидского залива против Ирана) подоплеку.

Ставка в ней – не демократическая власть в Дамаске, а расстановка сил на Ближнем Востоке, причем судьба Сирии как таковой большинство участников, особенно внешних, не волнует. В Москве понимают, что при таком масштабе внешнего вмешательства, которое сегодня наблюдается в Сирии, трудно представить себе, что Башару Асаду позволят остаться. Однако все российские специалисты, занимающиеся арабским Востоком, в один голос говорят: за Асадом значительная (посчитать точнее в условиях войны невозможно) часть населения, которая не столько поддерживает его, сколько боится альтернативы, представляемой оппозицией, больше, чем режима.

В этой ситуации логика России достаточно проста. Менять позицию не имеет смысла – после Асада Сирия либо вообще не сохранит целостность, либо будет управляться силами, которые заведомо считают Россию врагом. (В Ливии Каддафи свергли в значительной степени благодаря «невето» Москвы; займи она иную позицию – экстравагантный диктатор, быть может, до сих пор правил бы в Триполи, подавив Бенгази. Однако ни малейшей благодарности от новых властей Россия не дождалась.) Но даже во втором случае пример Ирака (подписанный осенью 2012 г., хотя и оспариваемый контракт о закупках оружия на 4,2 млрд долларов), а отчасти уже и Ливии показывает, что через какое-то время победители начинают нуждаться в диверсификации контактов, в частности, и в пользу России. Участвовать в урегулировании, которое будет навязано извне, опасно – результаты, скорее всего, окажутся плачевными, зато Россия будет среди тех, кому придется нести моральную ответственность за будущий хаос. Предложение политического процесса, в котором сами сирийцы определяют свою судьбу, беспроблемно: мысль очевидная, а если это невозможно, то, увы, мы предупреждали.

Россию крайне тревожит исламизация Ближнего Востока, поскольку усиление радикалов и догматиков там неизбежно аукнется в мусульманских регионах России. Это уже проверено на печальном опыте чеченской войны 1990-х – начала 2000-х гг. Вопрос особенно острый, поскольку в самой России на этапе исчерпания советской и постсоветской идентичности все больше опасений возникает в связи с межконфессиональными отношениями. Российские мусульмане постепенно осознают свои права, а их реализация может вызвать отторжение у российских православных.

Что же касается геополитических позиций, то тут, пожалуй, кроется главная загадка для тех, кто пытается интерпретировать российскую

позицию. У России есть одно преимущество перед Соединенными Штатами, которые претендуют на мировую гегемонию, и Европой, которая зависит от энергопоставок, — в крайнем случае Москва просто уйдет. Обидно, но не смертельно. Ни США, ни ЕС себе такого позволить не могут. Более того, не будучи более глобальной державой, формулируя свои интересы как региональная сила, Россия может себе позволить выйти из игры на Ближнем Востоке, если там станет совсем горячо, «окопаться» на дальних подступах и наблюдать далее со стороны, как Запад пытается справиться с «арабским пробуждением». И ждать следующего изменения обстановки, которое обязательно наступит, когда в очередной раз выяснится, что все пошло совсем не так, как планировали инициаторы и участники перемен.

Со времени исчезновения СССР политика Москвы на Ближнем Востоке была, по сути, инерционной. Она не приобрела в этой крайне важной части мира ничего нового. Формально, как постоянно подчеркивают российские дипломаты и ученые-востоковеды, Россия в уникальном положении. Она имеет (во всяком случае — имела до начала «арабской весны») нормальные отношения со всеми участниками местной политики, включая монархии Персидского залива, отношения с которыми у Советского Союза не складывались, Израиль и движение «Хамас». На деле это мало что давало, и содержательные российские контакты были замкнуты на правителей, связи с которыми остались с советских времен — Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи, семья Асадов. Они все уходят корнями в другую эпоху, и их падение было запрограммировано. Новые власти могут иметь какой-то интерес к Москве, но ориентироваться на нее они не станут, Россия выбыла из числа патронов. Впрочем, для стран, которые достаточно весомы, чтобы претендовать на участие в мировой игре (например, Египет, скорее всего, будет это делать), Москва может иметь ценность как важный международный фактор. Не региональный, а именно международный, глобальный.

При этом Ближний Восток кардинально меняется. «Арабская весна», охватившая авторитарные республики, — это только начало, рано или поздно трансформация обязательно докатится и до остальных, в том числе и тех режимов Персидского залива, которые сегодня содействуют революциям в Сирии и прочих светских диктатурах в надежде канализировать общественную энергию вовне. Какой будет геополитическая карта региона

через пять лет, не может предсказать никто. Конечно, сохранить стратегические позиции там было бы заманчиво, но как это сделать, пока никто не понял.

Будущий Ближний Восток, вероятно, станет для России источником растущих рисков — падение светских режимов и исламизация региона могут привести к более активному взаимодействию с единомышленниками на Северном Кавказе. Серьезная дестабилизация в Сирии, Ливане, Иордании способна дать рост эмиграции меньшинств — армяне и черкесы уже потянулись на историческую родину. Жесткое столкновение суннитов и шиитов, острый кризис вокруг Ирана и внутри страны чреваты перетеканием хаоса на Южный Кавказ, что прежде всего грозит разрушением хрупкого статус-кво в Нагорном Карабахе и очень тяжелой коллизией для России как главной региональной силы. В общем, просто забыть о существовании Ближнего Востока Россия, конечно, не сможет, но вектор, скорее всего, будет иного рода — как изолировать себя от исходящей опасности. Как ни парадоксально, если дела пойдут так, как сейчас, то через пару лет самым надежным партнером России на Ближнем Востоке может оказаться Израиль, с которым постепенно расширится сотрудничество по самым разным направлениям, а серьезное разногласие, по существу, остается только одно — Иран. Но иранский вопрос скоро разрешится — так или иначе, и ситуация сложится уже другая. А Соединенные Штаты, стратегический патрон Израиля, начинают тяготиться необходимостью сверять все свои действия с интересами еврейского государства, в то время как арабский мир переживает тектонический сдвиг и Америке нужно срочно и гибко адаптировать свою стратегию к переменам.

Но это вопрос перспективы — средне- и долгосрочной. А пока Россия доигрывает сирийскую партию с одной целью: чтобы предотвратить худшее, которое в понимании Москвы несет с собой увлечение «арабской весной».